Я повернулся, вышел из комнаты и направился по коридору. Я слышал, как они двигались, но не пытались меня остановить.

Я крикнул через плечо. "Помните, чтобы вас здесь не было, когда я вернусь!"

Они были достаточно умны, чтобы позволить мне уйти, хотя, когда я вернулся в свою машину и отъехал от своего дома, я заметил, как зашевелились занавески, когда они увидели, что я ухожу.

Я ехал по кругу несколько минут, мысли проносились у меня в голове, я понятия не имел, что это были за мысли, но сильные эмоции и чувство предательства были глубоки. Затем, наконец, я перевел дух и повернул машину в сторону своих родителей. Это было единственное место, которое, как я думал, могло стать убежищем.

Когда я приехал, мама и папа уже были на крыльце своего дома. Я вышел из машины и направился к ним по дорожке перед домом.

Я посмотрел на них снизу вверх. Я был готов поспорить, что мои родители могли видеть боль на моем лице.

"Привет, Робби", - сказала мама.

"Сынок..." Я перестал подниматься по тропинке к своим родителям, поскольку мой отец говорил гораздо глубже, более стоически, чем обычно. Ни один из моих родителей не мог встретиться со мной взглядом дольше, чем на мгновение.

Пришло осознание; они знали!

"Нет, нет... Пожалуйста, скажите мне, что это неправда, скажите мне, что вы не знали об этом?" Мой обиженный голос охрип.

Мама шагнула ко мне, бросив короткий взгляд на моего отца. "Нам жаль, Робби, это просто..."

Я сорвался, преданный не только женой и братом, но и родителями. На моем лице появилось рычание, даже когда слезы потекли по моим щекам.

"Тебе жаль, мам? У тебя хватает наглости говорить, что тебе чертовски жаль!" Я почти закричал. "Как долго... Как давно ты знаешь, что мой брат и жена трахаются в моем доме, в моей супружеской постели?"

"Сынок, я знаю, что ты злишься", - сказал мой отец, стараясь, чтобы в его голосе не было эмоций. - Но с твоей матерью так не разговаривают. Мы воспитали тебя лучше, чем это". Что

застало меня врасплох, так это то, что это было не сочувствие ко мне, а вместо этого сильная нотка презрения в его голосе по отношению ко мне.

- Как? Черт возьми. Долго?" Снова спросил я, мой голос звучал как низкое рычание. Я внезапно закипел.

Моя мать посмотрела себе под ноги, потом на моего отца, потом снова на меня, прежде чем вздохнуть. Самым красноречивым было то, что ни на одном из их лиц почти не было написано раскаяния. В глазах мамы отразился некоторый стыд, но в глазах папы проявилась какая-то извращенная версия гордости.

"Три года, - сказала она, - мы знали почти с самого начала".

Если раньше я думал, что был сломлен предательством, то теперь я знал, что это неправда. Им удавалось опускать меня еще ниже.

"Что... За... Гребанный... Черт!" Я закричал на них.

"Послушай, сынок, так не следует разговаривать ни с кем из нас. Мы твои родители..." - начал говорить отец.

- Отвали, пап. - перебил я, вложив сарказм в слово "папа". Я чувствовал присутствие соседей, выглядывающих из окон и наблюдающих за происходящим. Мне было все равно.

"Ты знал, что твой старший сын трахал мою жену, жену твоего младшего сына, в течение трех гребаных лет, и ты сказал мне ноль, ничего, вообще ни хрена. Какой-то отличный, блядь, пример добропорядочных родителей, которыми вы являетесь. Держу пари, ты даже знаешь, что ребенок от моего долбанутого брата, а не от меня?"

Они ничего не сказали, а просто посмотрели на меня. Это говорило о многом.

У меня раскалывалась голова. Головная боль усиливалась, края моего зрения начали расплываться, а мой рассудок начал рушиться. Я ничего не сказал и просто начал дышать. По крайней мере, боевые искусства научили меня контролю и дыханию. Пару минут никто ничего не говорил.

Я склонил голову набок, мы с родителями уставились друг на друга.

"Джоанна знает?" Я спросил.

Мама ответила, не задумываясь: "Это она застукала их во время одной из твоих поездок. Она пришла к тебе домой, чтобы увидеть, как Джорджия и застала их вместе."

"Понятно", - сказал я.

Папа подошел, чтобы что-то сказать. Я поднял руку.

"Нет, я понимаю. Я вижу это. Я просто бедный младший ребенок, который настолько доверчив, что у меня нет понятия о том, что хорошо, а что плохо, что для всей моей семьи было нормально хранить секрет о том, что мой брат переспал с моей женой, что она забеременела, и держать меня в неведении. Я вижу это, потому что могу подумать, что то, что вы все считаете правильным, неправильно". Мое лицо исказилось в оскале. - Тебе, очевидно, на меня наплевать. Ты, должно быть, так хохотал каждый раз, когда отсылал меня исправлять ошибки моего чертового брата, что заставлял его трахать мою жену, пока меня не было."

"Сынок, это не так..." - начал говорить папа.

"Черт возьми, это не так!" Я зарычал на него в ответ. Он даже отступил на шаг, увидев выражение моего лица. Папа знал мою историю боевых искусств. В первые годы он даже поощрял это.

"Робби, пожалуйста", - умоляла моя мать, глядя на окна соседей. - Заходи внутрь, присядь, чтобы мы могли поговорить об этом. Должен быть способ исправить это, должен быть способ заставить Брэда, Джорджию и тебя самого разобраться с этим".

"Разобраться с этим?" Парировал я. "Ты слышишь, что говоришь? Подожди, давай подумаем об этом, это было бы похоже". Я сложил руки в позе мыслителя, изображая глупый саркастический тон. "О, мы сожалеем, что три года держали тебя в неведении о том, как твои жена и брат трахались за твоей спиной. Как насчет того, чтобы извиниться за то, что мы отправили тебя из города, чтобы они могли собраться вместе и потрахаться в твоей супружеской постели?"

Я помолчал, глядя на них; затем рассмеялся болезненным, почти маниакальным смехом, мои руки похлопывали по воздуху в притворном юморе. "Подожди. Я понял. Как насчет того, чтобы извиниться за то, что мы солгали тебе о том, как твой брат оплодотворил твою жену. Мы подумали, что было бы прекрасно, если бы мы все позволили тебе растить его ребенка, даже не сказав тебе об этом".

Я перестал притворяться и уставился на женщину, которую когда-то считал любящей матерью.

http://erolate.com/book/3894/106919